

2556
4

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 40 (150)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА, ОКТЯБРЬ 1925 г.

Цена 12 коп.

КРОКОДИЛ

Рис. К. Елисева.

— Как тихо здесь и пустынно...
— Да... В аккурат, как у нас на собрании „друзей детей“.

ПРИВИДЕНИЯ.

Новиков, воспользовавшись мобилизацией на деревенскую работу, работал по ликвидации своих врагов.

Если бы вы знали, как он работал! Ходил, звонил, просил, убеждал:

— Мобилизацию в деревню еще не производили? — держал он за плечико нужное лицо. — Я это, видите ли, потому спрашиваю, что ведь Марья-то Петровна Огурцова у вас работает? С большим деревенским стажем женщина. Твердая партийка. Материал — что надо.

— Вот как? — отвечало нужное лицо. — Надо заметить...

— Кого в деревню-то выделяете? — начинал Новиков разговор в другом месте и с другими людьми. — Впрочем, вам и думать нечего. Петров-то у вас — по природе деревенский работник. Хороший малый. Как раз мне с ним в деревне пришлось работать... Знание быта — поразительное... Такт...

Работа Новикова подвигалась.

Сталкиваясь в передней или в коридоре со своей соседкой по комнате и врагом по жизни, Огурцовой, Новиков не испытывал теперь ничего, кроме удовольствия.

— погоди, змея. Духу твоего здесь не будет.

Проходя мимо квартиры с надписью «Домоуправление», председателем которого был Петров, Новиков ощущал внутреннее ликование:

— Дождешься, клеузник! Я тебе местечко найду!

И, наконец, свершилось.

После того, как вечером Мария Петровна особенно ожесточенно двигала стульями в своей комнате, Новиков увидел в окне, что извозчик на хромой лошади увез ее по направлению к Вранскому вокзалу.

— Клынуло! — ухмыльнулся Новиков.

На другой день такой же почти извозчик увез Петрова в противоположном направлении.

— Скатертью дорога! — помахал Новиков рукой.

Но не прошло и двух дней, как на ожидавшего у под'езда извозчика уселся сам Новиков, поставив в ноги увесистый чемодан.

— Как? Почему? — спросите вы.

— Потому... Мобилизовали. Мало ли что бывает в жизни!

Новиков думал, что здесь не обошлось без участия Огурцовой и Петрова.

Базалось бы, что на этом можно и кончить. О Новикове — что же еще? Новиков — один из тех случайных партийцев, партийный билет которых так и ворочит выпрыгнуть из кармана в архив какой-либо из контрольных комиссий... Новиков серьезное дело захотел превратить в средство для сведения мелких счетов и...

Но в том-то и дело, что на этом ничего не кончилось, а только началось.

Ровно два месяца прошло со времени всех этих событий, когда на лестнице нашего дома мне повстречался Новиков с увесистым чемоданом в руках...

— Как? — сказал я. — Никита Петрович? Вернулись? А ведь жену-то вашу только-что переселили... Как же! В комнату, значит, поменьше, в виду вашего отсутствия...

Глаза у Новикова сразу округлились.

— То-есть, как переселили? — спросил он. — По какому праву? Кто сказал, что я вовсе выехал? Так что же такое, что — в деревню?

— Так ведь думали, — робко заметил я, — что там и займетесь... Деревенской, значит, работой...

— Ослы! — вопил Новиков. — Думали!.. Деревенской работой я займусь здесь!! Поняли? Я — уполномоченный кооператива... Это — что? Деревенская работа, или как? Очистить комнату! Кого вы туда всунули?

Я махнул рукой и слабым голосом произнес:

— Огурцову, Марью Петровну.

Новиков даже стих.

— Так ведь она же, — провел он рукой по лбу, — того... на деревенской работе... Откуда же она, к черту, взялась, Огурцова?

— Вернулась, — сказал я. — Третьего дня... Командировку получила на трехгодичные курсы по борьбе с неграмотностью...

И тут у Новикова возобновился припадок ярости.

— Я этого дела так не оставлю! Я в чужую комнату не в'еду! Дом переверну, а своего добьюсь!.. В домоуправлении — кто? Есть там кто-нибудь? Ослы! Идиоты!

Я ничего не успел ответить, как уже он, бросив чемодан, звонил, не отрываясь, в домоуправление.

Он не отнимал пальца от кнопки звонка до тех пор, пока дверь не открылась и появившийся на пороге откомандированный из деревни на с'езд счетоводов Петров не спросил:

— Какого чорта звонки рвете?

Новиков смотрел на Петрова и молчал.

Теперь все.

Скверный анекдот.

Но уж такова участь сотрудников «Крокодила», что они принуждены бывают рассказывать скверные анекдоты.

Перед тем как рассказать этот, я еще подумал:

— Стоит ли? Может-быть, один случай?

Но случаев таких два, по крайней мере.

Один — тот, о котором я рассказывал, а другой был опубликован в «Правде», в корреспонденции из Рязани.

В. Авилов.

Рис. А. К.

ЕЩЕ О ПАРТИЙНОМ «АКТИВЕ».

На одном из предприятий парг-обязанностью считалась расстановка стульев для собрания.

(„Правда“, № 216).

Товарища Алексеева все на заводе знают. Активный работник, — дальше ехать некуда. У него МОПР, Авиаким, Друг Детей. Он же—драмкружок, стенгаз, физкультура и все прочее.

Во всякое новое начинание Алексейев голосует первым кандидатом и проходит единогласно, без воздержавшихся.

И притом партийный.

Когда приехал из города инструктор укома, он сразу обратил внимание на истощенную, суетливую фигуру.

— Как ваша фамилия, товарищ?

— Алексейев.

— Вы здоровы?

— Туберкулез в активной форме.

— Активист в полном смысле! — подтвердил секретарь ячейки.

— Почему же не лечитесь?

— Некогда нам лечиться, — бросил на ходу Алексейев и побежал в клуб прибивать суфлерскую будку для занятий драмкружка.

Через несколько минут он, задыхаясь, тащил лестницу. Из кармана свисал молоток, изо рта торчали гвозди. Рядом шагал рабочий с портретом т. Луначарского.

— Послушайте, товарищ...

Алексеев остановился и вынул изо рта гвозди.

— Вы бы передохнули.

— Так. А портрет кто привесит?

— А вот этот товарищ, который его принес.

Алексеев презрительно фыркнул и наклонился к уху приезжего:

— Беспартийный, — прошептал он.

— Ну, так что же?

— То-есть, как? Чтобы я ему эту работу доверил?!

— Попробуйте.

Алексеев безнадежно замахал руками и полез на лестницу. Не успел прибить портрета, как его позвали за кулисы. Там, отстранив «беспартийную массу», он долго и осторожно разливал по лампам керосин, а затем стал у рампы с веревкой от занавеса в одной руке и экземпляром пьесы — в другой, — надо было выпускать актеров на сцену. Уже во время хода действия его несколько раз сменял один комсомолец: Алексейев участвовал в пьесе, играя в ней две роли,—мужскую и женскую.

— Скверно, товарищ Алексейев, — сказал перед отъездом инструктор. — Активность у вас большая, но не туда направлена. В партии с 18-го года, а самых простых вещей не знаете, газет не читаете.

— Некогда, товарищ...

— Газету просмотреть некогда?

Товарищ Алексейев закашлялся и махнул рукой:

— Вообще, пустяками заниматься...

Когда ж тут? Пускай уж беспартийные...

А я—партактив!

Маноля.

ВНЕОЧЕРЕДНЫЕ РАСХОДЫ.

В сельсоветах часто внеочередные расходы съедают всю кассу. В с. Вознесенске, например, такие «внеочередные» расходы: угощение приезжающих волисполкомцев, на „у благотворение“ нар. судьи, на содержание церковного сторожа и т. д.

(„Известия“).

Председатель сельсовета

Обсуждал дела:
— В кассе есть у нас монета,
Надо сделать то и это
С пользой для села,

Нет пожарного обоза,
Мост пора чинить
Нет шоссейки у совхоза,
Надо в школе до мороза
Крышу перекрыть....

Через месяц вновь за счета
Председатель сел:
— Попадье к рождению — боты,
Ревизору — спирт и шпроты,
Чтоб меня не с'ел.

Сто рублей ушло за пенье
На церковный хор.
40—шефу угощение,
30—«ублаговоренье»
Получил Егор.

Шесть червонцев без полтины
На подмазку «там»,
Пять ушло на именины,
Восемь пропил сам!..

Нет пожарного обоза,
Нечем мост чинить,
Нет шоссейки у совхоза,
Нечем в школе до мороза
Крышу перекрыть.

Д. Долев.

ДО ПОРЫ, ДО ВРЕМЕНИ.

Рис. А. Кикина.

Католические попы проповедуют среди казаков-врангелевцев переход в католическую веру, обещая улучшить их положение.

— Дорогие братья, вы получите эти прекрасные штаны—только признайте святейшего папу.
— Вали, ребята, соглашайся! Все равно, приедем домой—пошлем ихнего папу к маме.

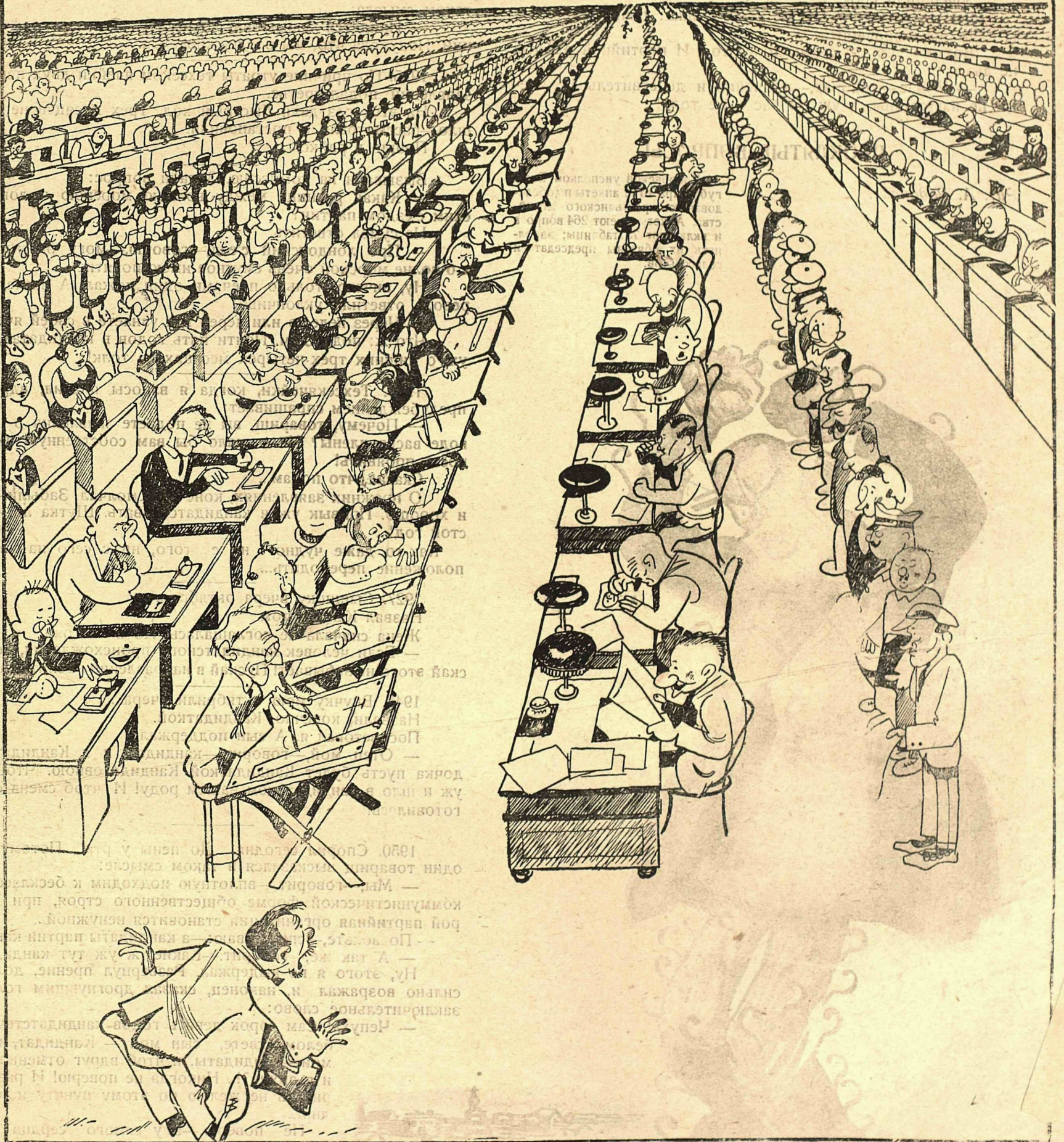
КАМНИ ВОПИЮТ!

Съезд германских желтых профсоюзов возложил на могилу Лассалья венок с лентами германских национальных цветов.

Рис. Ив. Малютина.

ЛАССАЛЬ:—Тому ли я учил тебя, негодяй?! Я говорил: коленом—на грудь и рукой—за глотку буржуазии... А ты, преклонив колени, лижешь руку буржуазии.

НОВЫЙ ВИД НАКАЗАНИЯ.

Чтобы выстроить дом — надо пройти сквозь Мос-строй.

ЗАПИСКИ ПОЛПАРТЕЙНОГО.

1921. Вполне разделяя программу РКП, каковая есть организованный авангард рабочего класса, и причисляя себя к сознательному пролетарскому элементу, подал заявление о вступлении в ряды.

Прочли кандидатом... Это правильно. Надо подучиться, надо, чтобы проверили тебя на работе.

Вот только срок-то уж очень велик: целых шесть месяцев в полпартийных приходится состоять...

Увеличили срок до года.

Оно и правильно. Я же не от станка: давно оторвался. И надо меня проверить.

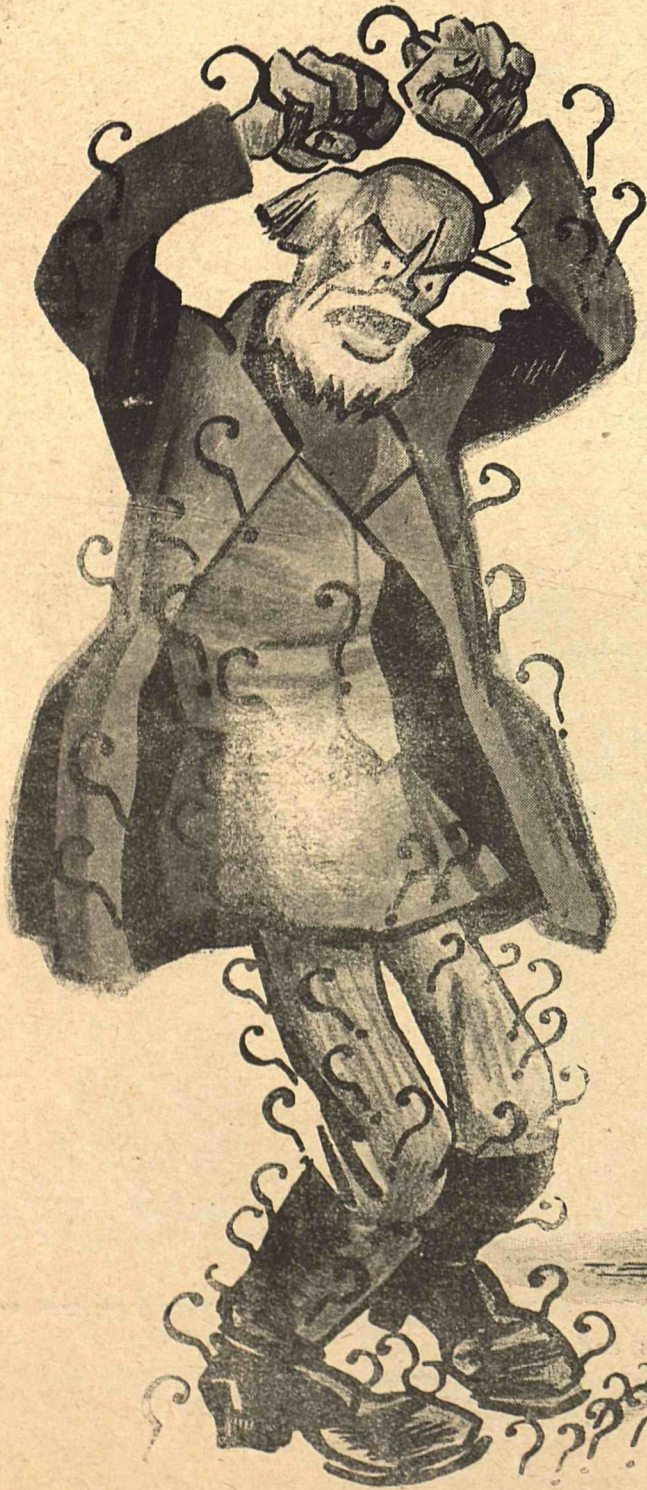
Вот только уж очень долго-то... И партийной работы не дают:

— У нас,—говорят,—в ячейке и действительные члены не нагружены, а уж об вас и не толк!

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ.

Рис. А. Радакова.

Ковровский уисполком, Владгуб., выработал анкеты по обследованию крестьянского хозяйства. Анкеты имеют 264 вопроса и включают 73 таблицы; заполнять их обязаны председатели сельсоветов.

Чистка была. Вызывают. Спрашивают:

— А какое, товарищ, сходство между Фердинандом Лассалем и Пушкиным?

А откуда я знаю? Про Лассаля у нас в кружке был разговор, а про Пушкина—нет.

— Неизвестно мне это,—говорю.

Постановили:

— В виду недостаточной подготовки оставить в кандидатах на год.

1923. Подал заявление о переводе. С анкетой и со всеми рекомендациями. Но только техсекячейки высказался в таком смысле:

— Придется заявлению полежать. До партконференции. Покудова что, мы воздерживаемся.

1925. По причине утраты техсекком ячейки двух первых заявлений подал третье.

На этот раз дали быстрый ход. Трех месяцев не прошло—рассмотрели и постановили.

Пошло в райком.

Вызывали на комиссию. Задали вопрос:

— Какая разница между волною морскою и лондонским с'ездом партии?

Не сумел ответить.

— Про лондонский с'езд,—говорю,—могу рассказать, а о волне морской очень смутное имею понятие...

Ну, ничего: только плечами один пожал. А насчет перевода ответили уклончиво:

— Через неделю или через три узнаете в своей ячейке.

Что ж: подождем. Почти пять годов в кандидатах, так уж о лишних трех-четырёх месяцах не толк!

1926. Техсекячейки, когда я взносы платил, вдруг с предубеждением спрашивает:

— Почему, товарищ, вы не подаете заявления о переводе вас в члены? Не мешало бы вам собственную активность проявить!

Сказал, что подам...

О прежних заявлениях, конечно, смолчал. Забыли,—ну, и хорошо. Привык уж я кандидатствовать. Шутка ли,—шестой год!...

Как-то даже чудно: ни с того, ни с сего на новое положение переходить...

1927. Сынишку вчера октябрил.

Назвал Кандидатом.

Жена сначала не соглашалась. Но я настоял:

— Если человек кандидатского происхождения, то пускай этого не забывает! Пускай в направлении воспитывается!

1948. Внучку мою октябрили вчера...

Назвали, конечно, Кандидаткой.

Посоветовал я. А сын поддержал:

— Отец мой,—говорит,—кандидат, и я Кандидат, и дочка пусть будет Кандидаткой Кандидатовною. Чтоб так уж и шло в кандидатском нашем роду! И чтоб смена смене готовилась!

1950. Спорил сегодня. До пены у рта. Потому, что один товарищ высказался в таком смысле:

— Мы,—говорит,—вплотную подходим к бесклассовой коммунистической форме общественного строя, при которой партийная организация становится ненужной...

— Позвольте,—спрашиваю:—а кандидаты партии как же?

— А так же,—говорит.—Какие ж уж тут кандидаты!

Ну, этого я не выдержал. Развернул прение, долго и сильно возражал и, наконец, сказал дрогнувшим голосом заключительное слово:

— Чепуха! Сам сорок девять годов кандидатствую на белом свете, сын мой — Кандидат, внуки мои—Кандидаты, и чтоб вдруг отменили нас и в архив?!.. Никогда не поверю! И разговаривать не желаю по этому пункту повестки дня!..

Не поверю,—а у самого сердца сжимается. И червяк точит под ложечкой:

— Ну, а если и в самом деле?..

И слеза подступает.

И нехорошо таково...

Где ж тогда правда-то?!

Грамен.

— Вишь ты... кипятился председатель, а ушел самовар...

О Ж И В Л Е Н И Е.

Заседание бюро ячейки протекало исключительно весело, хотя разбирался самый обыкновенный вопрос:

— О порядке дня открытого общего собрания ячейки.

Секретарь бюро икнул от смеха, вытер наверхнувшуюся слезу и взмолился:

— Ну, будет, ребята, довольно! Надо же ж все-таки в порядке. Какие еще есть предложения?

— Гы-гы-ых! О землеустройстве в нашей волости ставь.

— Есть, поставлено. Еще?

— Го-го-го! О кредите на закупку сельско-хозяйственных машин жарь.

— Вжарил. А кроме?

— Хо-хо-хо! Ловко! Лупи о деревенской кооперации.

— Лупанул. Крой дальше!

— Хи-хи-хи!.. Бузовни насчет агрономической помощи.

— Бузовнул! Нет ли чего позазвонистей?

— Запупыривай в смысле местных налогов и сборов.

— Запупырил. Гы-гы-ых! Довольно, ну их к... Вывешивай, Вась!

Повестка открытого общего собрания ячейки была вывешена за несколько дней до собрания. Около повестки кучками собирались крестьяне, толковали и

одобряли. В день собрания помещение волисполкома было переполнено до отказа. Снаружи стояла толпа, прильнув к открытым окнам. Бюро ячейки с трудом пробилось к столу. Секретарь подмигнул и прыснул со смеха. Потом сделал серьезное лицо, занял председательское место и объявил:

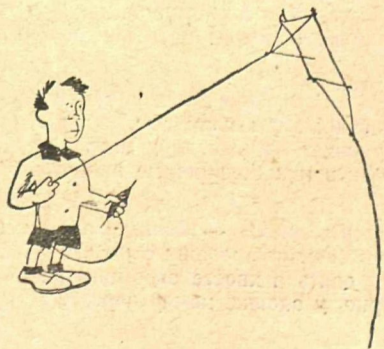
— Общее открытое собрание нашей ячейки объявляю открытым. Для доклада по международному и внутреннему положению, в связи с германскими событиями в Китае, слово предоставляется товарищу Анисимову!

По собранию пронесся гул, и кто-то с места крикнул:

— Дозвольте к порядку дня, товарищ! Имею заявление.

Секретарь опять подмигнул глазом и с вежливой иронией спросил:

Рис. К. Р.

— Может-быть, вы, товарищ, хотите вместо нашего докладчика про германские события в Китае выдвинуться?

Кто-то хихикнул.

— Не, я не про то. А как в повестке сказано,—про землеустройство и еще про машины говорено...

— ...Про кооперацию еще сказано...

— ...Про агронома...

— ...Про налог...

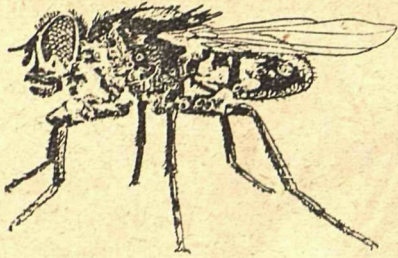
Секретарь нахмурился и строго обвел взглядом собрание:

— Прошу беспартийных товарищей не забывать, что они на ячейке, а не на сходке, и не позволять себе! Пришел и слушай. А в смысле разъяснения, то могу сообщить, что которые вопросы поставленные в повестке дня, то они стоят для оживления и вовлечения. Для того и постановлены. Доклад же заслушаем о международном и внутреннем, в связи с германскими событиями в Китае. Товарищ Анисимов, действуй...

...Когда через час, предложив принять к сведению и не встретив возражений, секретарь затянул «Интернационал»,—его лениво поддержали лишь шесть членов ячейки. Больше никого уже не было, если не считать крепко спавшего старика, которого после «Интернационала» в порядке субботника долго и настойчиво будили всей ячейкой.

Вл. Павлов.

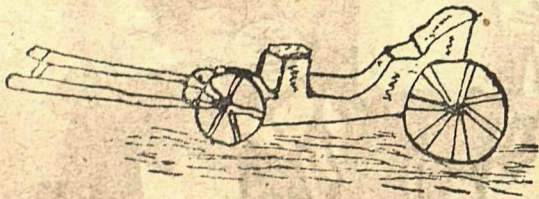
НАШ ПАНОПТИКУМ

СМЕРТЬ МУХАМ.

Мухи, подобные этой, неукошительно дохнут в общезнанию вичугского студенчества (Ив.-Возн. губ.) по вечерам, когда студенты сядут дуться в карты. Дуются на папиросы, и притом матерят чрезвычайно сильно.

Думается, от такого удовольствия не то что муха, а любой культурный человек издохнет. Вичугские студенты, конечно, остаются целы.

ЛЮБИТЕЛИ ЕЗДЫ.

На этом фаэтоне жена директора ткацкой фабрики «Красный Восток» ездит на базар за луком и петрушкой.

Большим фаэтон не предоставляется...

— Зачем? — говорят. — Они пускай на ка-тафалке ездят.

Рабочий.

ВНИМАНИЕ! «КРОКОДИЛ» КАЕТСЯ.

Кустари артели «Лапотник» (гор. Канаши) пишут: этот микроскоп мы дарим Крокодилу. Пусть он рассмотрит внимательно «Известия ЦИК», от 2 июля, и убедится, что упомянутой Крокодилом «загадочной картинке» — шведские рабочие в момент прибытия в Москву — в этой газете не найти даже в микроскоп.

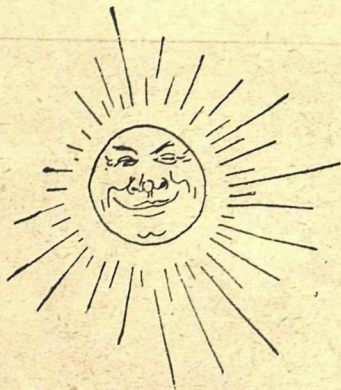
Правильно, братцы, каюсь. Воспользовался микроскопом и нашел, что картинка была напечатана не 2 июля, а 22 июля, № 165.

СТРАХПУТЬ

Болеет нехорошо. Наоборот. Не очень сладко осаждать страх-кассу. Больной, в карман засунув бутерброд, Иду в нее к условленному часу.

Увы! Уже у двери длинный хвост, В хвосте каких болячек только нету! Шестидесятым занимаю пост, Чтоб время скоротать, жую газету.

Ползут минуты. Прошибает пот, Стою и жду, как часовой на страже. Газета с'едена... прочитан бутерброд... Но кажется, что очередь все та же.

БЕЖЕЦКАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ.

Бежецкие власти (Брянск. губ.) не удовлетворяются нарисованным здесь небезызвестным предметом. Не нужен он им. Они решили заметить его целиком электрификацией, на каковой предмет в районе уисполкома, укома, нардома и ж.-д. станции лампочки горят не только ночью, но и днем.

А все-таки скажу я вам: темный город. Несмотря на дневное освещение.

Энве

ЛОТЕРЕЯ БЕЗ РИСКА.

Как значится на билете лотереи, затеянной донским об-вом «Долой неграмотность», лотерея будет беспроигрышной. Это святая правда, ибо человек купивший билет, решительно ничего не может проиграть... Но выиграть он тоже ничего не может, так как розыгрыша не предвидится. По крайней мере, срок ему был назначен на 27 декабря 1924 г., а у нас, глядишь, и декабрь 1925 года близится, про розыгрыш — ни гу-гу.

Комсомолец № 150.

ОПРЕДЕЛЕННАЯ ПОРОДА.

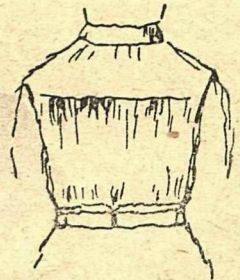
Портрет гражданина Рыбина, хозяина артели булочников «Муравейник» (Москва, Тверская, 11). Как видите, Рыбин похож не на муравья, а именно на рыбу. И притом вполне определенной породы: полосатая акула. Отличается эта порода тем, что водится в мутной воде и поедом ест людей.

Одним словом: «Инспектор труда, загляни».

И, наконец, в тумане и чаду, Как говорится, прямо «малахольный», Полураздетый, в комнатке жду, Когда меня осмотрит врач контрольный.

Приходит. Трубочку потыкав там и тут, Окуривая дымом папиросы, Мне уделяет меньше двух минут, Включая в них больничные вопросы.

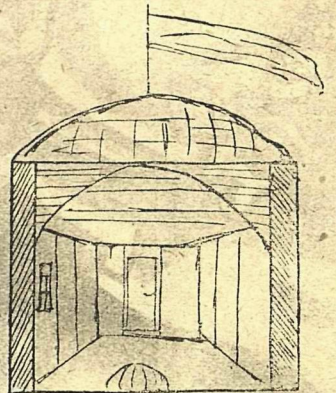
«На десять дней!» — Схватив листок, иду, Собрав свои растрепанные нервы. И вот опять в хвосте огромном жду Покорно, у окошка номер первый.

СПИНА И ПРОЧЕЕ.

Спина вредзаведующего (явная опечатка) керченской почт.-тел. конторой, с которой (спиной) приходится иметь дело служащим при всех обращениях, как служебных, так и частных. Служащие просят: «нельзя ли этого вреда повернуть лицом к работнику».

Задача не легкая. Как его повернешь, если у него лицо, может-быть, пониже спины?

ВИДАТЬ МОЛОДЦА ПО СОПЛЯМ.

(Лосевская ф-ка им. К. Маркса, Вязники).

Это — открытая сцена при Лосевской ф-ке. На крышу этой сцены во время спектакля в день кооперации залез пьяный завклуб Любянов с бенгальской свечей и орал оттуда:

— Ну, что, хорошо меня видеть?

Видать-то хорошо. Прочитай заголовок.

Тил.

РЕБЯТА ПОПРАВЛЯЮТСЯ.

Дом отдыха, в котором комсомольцы Булатников, Судаков и Старосельцев (г. Курск, служба тяги) проводят многие дни, выходя с прибавкой в несколько фунтов. От такой успешной поправки ребята приобретают крен на одну сторону и, придя домой, ложатся в дрейф. Не возьмет ли их райком на буксир?

А. Запольский.

И, наконец, когда кололо в бок, И стрелка близилась к шестому часу, Мне из окошка сунули листок, И пропищал девичий голос: «в кассу».

Здесь тоже хвост, прилепленный к стене, Не пять шагов, а версты до оконца. Но вот—конец. Кассир швыряет мне, Как плату за страданье, — два червонца.

Да. «Страхпутем» лишь тот больной прошел. Кто обладал терпением воловьим. И я кричу: «Болеет нехорошо! Долой болезнь! Да здравствует здоровье!».

Архин.

К ЧЕМУ ФОРМАЛЬНОСТИ?

Крестьян, преданных суду по делу о восстании в Татар-Бунаре (Румыния, сколку! при допросе пытаются и убивают.

Рис. Ю. Ганфа.

— Ну, что ты вопишь, что вопишь? Что тебе, не все равно, убьют ли тебя до приговора суда или после приговора?

КООПЕРАТОР ТАЛЬНИКОВ.

— Трудно в нашем темном непроsvещенном углу кооперацией заниматься. Такая, понимаете, несознательность. Прямо хоть караул кричи.

Вот хоть меня взять в пример,—честно скажу: в лепешку расшиблся, а толку никакого. Вот послушайте.

Отправился я по окрестным селам и деревням. Развел там агитацию, чтобы масло (а у нас район, знаете, масленный!)—так чтобы масло все сдавалось в наш райпотребсоюз. На сходах выступал, глотку драл, убеждал, угрожал,— словом, старался во-всю. И добился, что везде на сходах приняли резолюции о том, что масло сдадут нам. Убедил...

Ну, конечно, с веселым духом еду в город, в правление. По дороге подсчитал: сколько бочек потребуется, если масло нам сдадут по всем резолюциям. Получается цифра—умопомрачительная! Конечно, я моментально скупаю в городе все клепки, организую собственное бондарное производство. Жду. Проходит неделя, другая, месяц. Масла не везут. Резолюции у меня в кармане,—а масла нет. Начинаю беспокоиться. Навожу справки, и что же? Оказывается, на рынке давали за масло на 2 копейки дороже. И они, стервецы несознательные, отвезли все масло на рынок! Ну, что вы скажете?

Вижу—без кооперативного просвещения не обойдешься. Надо заинтересовать, разъяснить, вбить в башку всю пользу кооперации. Ликвидирую бондарную мастерскую, продаю часть клепки. Покупаю автомобиль и кино,—кино-передвижку. Нанимаю лектора,—сажаю в автомобиль,—поехали! На автомобиле черным по белому,—виноват, красным по черному—написано: «Смерть частному торговцу! Да здравствует Райпотребсоюз!» В автомобиле кооперативные книги, листовки, плакаты, две фильмы с Чарли Чаплиным, драма: «Без кооперации» и научная «Аборт». Ну, чем плохо?

И представьте себе,—ведь сорвалось! Все просвещение сорвалось. Пустили мы автомобиль так среди лета, ближе к осени. Вокруг косяба, молотба,—ни один чорт на кино смотреть не хочет. А лектора, понимаете, чуть не избили даже. Насилу бедняга удрал. Я его телеграфно утешил:—Подождите, пока откосятся, отмолятся и отдохнут. Ну-с... Подождал он. Но тут такие пошли дожди, такая на дорогах развелась—извините—грязь, что не только автомобилю,—а и человеку-то пройти

невозможно. А автомобиль только задними колесами вхолостую крутит. Вместо кино-передвижки—кино-неподвижность. Ну, что бы вы тут сделали? Вернул я машину в город, в ремонт двинул, лектору выходные заплатил. Сижу, меречаю,—как и чем пробить темную несознательную толщу масс. А массы эти к тому времени уж урожаем собрали...

И вижу я, что поступают из сельских наших и деревенских лавок требования,—на кожу и мануфактуру. Я, конечно, сейчас же смекнул: надо достать товару. Тут уж, знаете, кооператорский нюх такой должен быть: как увидишь, чего не хватает,—так сейчас же надо купить. С колоссальным трудом добываю в банке кредит. Еду в центр, в тресты.

Эх, думаю, и накуплю же всего! Вот когда мы с частными померимся. «Были частными—станут несчастными»,—как замечательно написал мне один поэт. Заказывал я ему ко дню кооперации лозунги по 3 рубля за строчку. Хороший такой парнишка... О чем бить я? Да! Приезжаю, значит, в центр. Раскатился в тресты,—и что же? Товару нет! Где же,—говорят,—вы раньше были? У себя в городе, говорю, был. А почему же вы раньше не закупили? А потому что, говорю, у меня другие были дела, с маслом. Да и спросу никакого в лавках не было. Крупно вообще я с ними там поговорил.

И посоветовал мне там один человек: если, говорят, нет мануфактуры—так купи хоть лоскуты—остатки, а вместо яловицы и опойки—вот тебе хром заграничный. По нужде—все сойдет.

Я повеселел. Накупил товару на все наличные. Привез, распределил.

Ну, думаю, наконец-то, работа налаживаться начинает!

И вдруг, понимаете, нежданно-негаданно приходит бумажка:

— Председателя правления Райпотребсоюза Тальникова отстранить от должности, предварительно произведя ревизию всей его деятельности.

Как обухом по голове меня тягнуло. Только, можно сказать, дело налаживать стал,—и такой афронт.

Ну, что ж. Пусть ревизуют. Пусть! посмотрим, как другие будут работать с этими темными массами. Они думают, что кооператором любой дурак может быть. Нет, товарищи, не всякий дурак может быть кооператором!

Вас. Лебедев-Кумач.

К ВВЕДЕНИЮ МЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

Управление Ярославской электростанции выпустило правила пользования ярославским трамваем, в которых, в пункте 10, говорится: «Плата с детей, не достигших полуаршинного роста, не взимается».

Ярославские портные будут теперь работать по совместительству на ярославском трамвае. Портной будет мерку снимать, а кондуктор билет выдавать. Только вот что, товарищи, переведите это дело на метрическую систему, а то вы всё по старому—на аршин меряете.

ТРИ БЮРОКРАТА, ЧЕТЫРЕ КОПЕЙКИ.

В конверте, запечатанном 6 громадными сургучными печатями, Псковский губфинотдел, наклеив марок на 32 копейки, препроводил в Москву, в Гохран, для зачисления в доход Республики четыре медных монеты по одной копейке. Препроводительную подписали зав. губкассой Андрушкевич, старший бухгалтер Черепнин, старший кассир Соловьев. И еще номер проставлен. да притом не простой, а двойной—256/4036.

Слава Карлу Марксу, что псковские губфинотдельцы только 4 копейки отравили, истратив при этом на отправку копеек 45. А если б тысячу рублей отправить пришлось, совсем бы советскую казну разорили.

ИСКОРКИ.

Из газеты «Крестьянская Искра» № 195:

«Урожай пшеницы в Бохардерском районе на базаре колеблется от 10 до 30 пудов с десятины».

Теперь понятно, почему сложена поговорка — «Нет в ней ни искры правды».

ВСЕ ВРУТ.

Это про календари. Страшно подумать, что было бы, если бы люди верили календарям. Особенно календарям издания «Мосполиграф». На листке, за 30 августа с. г., мы читаем:

«1918 год. Убит в Ленинграде эсер Урицкий».

Единственная надежда, что и на этот раз не поверят.

Р-Р-РАСТРЕЛЯТЬ.

Начальник ирбитской городской милиции вызывает нужных ему лиц повестками, на которых отпечатано:

«В случае неявки подлежите ответственности по 104, 60, 62 ст. ст. Уголовного Кодекса».

Вот попробуйте не явиться после такого предупреждения: сначала отсидите три года в тюрьме, а потом вас два раза расстреляют.

Интересно, по какой статье Уголовного Кодекса будет подлежать ответственности «Крокодил» за то, что пырнет начальника ирбитской милиции вилами в бок?

НЕ НА ПОЖАР.

Павлодарский госсельсклад закупил в Семипалатинском губсельскладе, по заказу крестьян, косилки и другие машины. Пришел сенокос, а косилок нет. Наконец, получили телеграмму, что косилки высланы пароходом. Крестьяне вышли со знаменами встречать пароход. Когда он подошел к пристани, оказалось, что косилки не были.

Запоздал малость Семипалатинский губсельсклад. По его расчетам, очевидно, покос бывает в январе, так что ему торопиться некуда.

ПОДХОДЯЩИЕ.

Заведывающий магазином Госспирта в г. Вязьме гр-н Беженцев скрылся неизвестно с какой суммой денег.

Председатель месткома одного из крупных московских учреждений, гр-н Стрекач, скрылся, растратив 15.000 рублей.

Такая уж нынче эпидемия пошла: Беженцев убежал, Стрекач — дал стрекача.

По растратчикам и клички, — говорит пословица.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К КОРОВЕ.

Газета «Нижегородская Коммуна» № 220 сообщает:

«13 сентября в селе Кисловке, той же волости, происходила волостная сельскохозяйственная выставка... Корова (сиентал) крестьянина деревни Салевки Кучина, И., получила дойник и альбом вождей революции».

Жаль. Плохо премировали. То ли дело, если бы преподнесли корове портфель с монограммой. Пушай чувствует скотина, как ее ценят!

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ.

Нам прислали вот такой документ:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие гр-ке села Казинки, Гатищенской волости, Ливенского уезда, Морьева Марии Филипповне в том, что она религиозных убеждений не поддерживает, как-то: в церковь не ходит и т. п., в чем Казинский сельсовет подписями за немимнем печати удостоверяет.

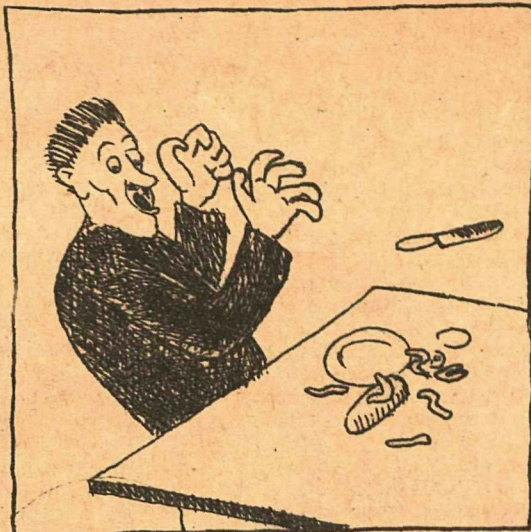
Председатель (подпись). Секретарь (подпись).

Конечно, очень приятно, что гр-ка Морьева «не поддерживает». Но зачем бумагу зря переводить?

КОЛБАСА СО СТАЖЕМ.

Хотел человек заморить червячка, купил колбаски...

Ан, на поверку, червячок покупателя заморил.

(Колбаска купена в кооперативе на ст. Черусти).

ДОШЕЛ ДО ТОЧКИ.

Заведующий краснохолмским лесничеством Брожевич сидит за одним столом со своим помощником и пишет ему официальные отношения, проводя их по исходящему журналу. Уже отдано 8 таких отношений.

Пускай завлестничеством попробует сам себе написать выговор за бюрократизм, внимательно прочесть и принять к сведению. Только не забыть бы исходящий номерок проставить.

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ.

В № 199 «Уральского Рабочего» напечатано, что

«по Усольскому округу ередано крестьянам лесов местного значения 200.181.034 десятины».

А в № 194, в статье «На Ураде строятся семь новых заводов», напечатано:

«Тагильский вагоно-строительный завод будет выпускать ежедневно 4.000 вагонов».

Вот это производительность труда! Вот это работа! Не редакция газеты, а настоящий «горячий цех»!...

ОТКРЫТКА.

Юноору А. Запольскому.

(Кронштадт, 49-й блокшиф.)

Плодовитый ты, парень, погляжу я на тебя. Прислал мне в паноптикум письмо в семь страниц с картинками, прозой и стихами. Чего-чего там нету. И про клещ, и про Болгарию, и про русскую горькую, и о МОНРе, и даже рецензия на мой 34-й номер.

У нас уж больно воздух спертый,
В каютах дым и смех.
Читали твой 34-й,
Продернул здорово ты всех...

И так далее.

Письмецо твое приятное, но не то, что мне нужно. Хвалить меня нечего, пиши лучше, что тебе не понравилось. Это раз.

В высокую политику и общие рассуждения не вдавайся. Это два. Плюнь на Цанкова (он того стоит) и давай материал вроде «Дома отдыха». Это именно то, что нужно для паноптикума; поэтому я и поместил.

А, помимо всего прочего, попробуй стишками про комсофлотскую жизнь. Она меня здорово интересует.

Пока будь здоров. Передай привет всем ребятам.

„КРОКОДИЛ“.

БУДЬТЕ ПОКОЙНЫ—ОТДАСТ.

Комсомольцы прислали жалобу:

У нас на Лучковском крахмальном заводе стенгазета никак не может вразумить директора Милованова. Газета указывает на то, что под открытым небом ржавеет заводское имущество на 50.000 рублей, а директор кричит редколлегии: «Под суд отдам!»

Лучковские ребята зря беспокоятся: ведь сам директор сказал им, что отдаст под суд виновного. А если он при этом не назвал фамилии, то исключительно из скромности.

СЛУЧАЙ С ЕНЛЕСОМ.

Сибирский рабкор пишет нам такое ироническое письмо:

От берега в г. Красноярске отвязалось и ушло вниз по реке до 30 плотов хорошего леса. Наши приречные крестьяне наловили его тысяч на 10. Спасибо начальнику Ильину, что не выкатил плоты на берег. И хорошо еще, что Ильин после прошлогодней ревизии не отдал под суд, как того требовали тогда ревизоры. Выразите ему благодарность.

Хотя Ильин и повернулся лицом к деревне, но поворот вышел не тот, какой надобен. Следует перевернуть Ильина лицом к городу и к той именно части города, в которой проживает РКИ.

ПОДПОЛЬНЫЙ СТАЖ.

Нам сообщают из Богородского уезда, Московской губернии:

«Технический секретарь ячейки РКП Электропередачи—беспартийный и торговец с девятилетним стажем. Когда бывает закрыты бюро ячейки, рядовых партийцев выгоняют, а беспартийный техсекретарь остается».

Товарищи из бюро ячейки, хоть у вас техсекретарь с «дореволюционным» стажем, а все-таки глядите, чтобы он не проторговался.

АГИТИРУЮТ ИКОНЫ.

На фабрике им. Домбалия, в Ново-Борисове, тов. Баевич тащит агитационные плакаты из фабкома и развешивает их у себя дома, рядом с иконами.

Это новый способ ведения антирелигиозной пропаганды. Повисят святые угодники, почитают плакатики, убедятся сами в том, что они «опиум для народа», и раскаются.

БЮРОКРАТИЗМ С ЗАПАХОМ.

Завед. сочинской малярной станцией, врач Соколов, окончательно забюрократился. В то время как при станции имеется теплая уборная, он заставляет служащих бегать на двор, в грязь и холод, а уборной пользуется лично. Когда появилась заметка об этом в местной стенгазете, Соколов разрешил служащим пользоваться уборной, но ключ повесил у себя в кабинете, так что каждый служащий должен теперь просить высочайшего разрешения для того, чтобы отправиться в уборную.

Для устранения бюрократизма и волокиты мы предлагаем Соколову переехать из своего кабинета в тот, ключ от которого он охраняет, и вывесить надпись: «Без доклада не входить».

ПОЛЕТ БЕЗ МОТОРА.

Рабочие Сюгинского стеклозавода, Вот-области, вступили в Авиахим и внесли членских взносов 606 рублей. Завком взял эти деньги и истратил на постройку летнего театра.

Хорошо, конечно, членам завкома. Они после такой проделки могут полететь при перевыборах без всякого аэроплана. Зачем им Авиахим?

ОТДЕЛ СМЕСИ.

СЛУЧАЙ С ХРИСТОМ.

С каких пор устами братской нам газет- „Юманите“, органа французской компартии, говорят квакеры и христианские социалисты? Судите: в номере от 15 августа помещен следующий рисунок:

„В Сирии убито восемьсот“.
(Из газет).

— И в этих-то местах я проповедывал „братство“!

Неужели только тем плоха сирийская бойня, что она нарушает заповеди христовы? „Христос с вами“, товарищи!..

